

Щербаков Д. А.
Оренбургский государственный
педагогический университет
E-mail: am720@ya.ru

ИДЕАЛЬНОЕ БЫТИЕ ПРОШЛОГО

Статья посвящена исследованию онтологических оснований понимания исторической реальности. Автор рассматривает проблему форм существования прошлой социальной реальности. Показано, что одной из форм существования прошлой социальной реальности является её существование в виде идей, знаний и представлений. Признаётся, что историческая реальность есть многомерная реальность. Она образована тремя сферами бытия: бытие материальной природы, бытие сознания и мира идей, бытие общества. Выдвигается предположение о возможности актуального наличия компонентов прошлой социальной реальности в настоящем.

Ход решения проблемы включает в себя рассмотрение и анализ онтологического состава исторической реальности, выявление характеристик и условий существования её сфер, их взаимных связей и отношений, способов их существования. Используя методы системного анализа, формальной логики и феноменологии, автор выявляет онтологические основания утверждения об актуальном бытии прошлого в настоящем. В качестве таких оснований признаются факт существования причинно-следственных связей между явлениями, преемственность в процессах культурного развития, неизменность формы и содержания исторических текстов, их частичная независимость от характеристик их материальных носителей и сознания людей. Проведённый анализ выявил и объяснил конституирующую роль идей в исторической реальности.

Автор приходит к выводу об актуальном, но фрагментарном существовании прошлой социальной реальности в настоящем в виде идей, знаний и представлений. Показано, что духовные компоненты исторической реальности существуют как форма и содержание текста. Выявлено, что идеи, составляющие содержание исторического текста – это неизменяемые и, стало быть, неразрушимые компоненты самой прошлой реальности, дошедшие до нас посредством своего носителя – текста. Обосновано утверждение, что неизменность и самотождественность духовных компонентов исторической реальности создаёт единство прошлого, настоящего и будущего её состояний. Автор заключает, что осознание идей и формы текста, продумывание авторской мысли есть существование прошлого в настоящем.

Ключевые слова: бытие, реальность, онтология, прошлое, идеи, текст, время.

Прошлая социальная реальность фрагментарно существует в форме идей, знаний и представлений. Эта форма существования прошлого не является единственной – это одна из форм. Важно то, что знания о прошлом и само прошлое онтически частично совпадают. Существовавшие ранее и дошедшие до нас историческое знание, идеи и представления – это не просто знание о прошлом, отчасти это и есть сама прошлая реальность, фрагментарно наличная в бытии своими духовными компонентами. Древние идеи, присутствующие в настоящем и влияющие на него – это фрагменты прошлой реальности, бытие которых связывает состояния и процессы реальности во времени. Представляются справедливыми слова В. О. Ключевского, что «наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они перешли к нам по наследству от наших отцов и дедов или достались нам по культурному преемству от других обществ, созданы житейскими опытами и умственными усилиями других

народов, раньше или больше нашего поработавших» [8, с. 39].

Объективная реальность, историческое бытие не ограничивается только тем, что происходит непосредственно в настоящий момент. «Не всё сущее доступно чувствам и не всё существует в настоящем. Есть сокровище, которое открывается лишь усмотрением более высокого порядка <...>; и есть прошлое, которое в настоящем весьма ощутимо сказывается, будущее, которое вступает в настоящее» [7, с. 175]. Историческое бытие включает в себя все прежние фазы происходящего ныне мирового процесса как свои факты, этапы и причины [13, с. 114]. Ничто не существует изолированно, никакой процесс не возникает и не протекает изолированно. Причинно-следственные связи пронизывают всё бытие и их реальность не вызывает сомнения. Если признать всеобщую связь всех явлений бытия, то следует согласиться с онтологической концепцией, согласно которой всё связано со всем не только в пространстве, но и во времени. Такой взгляд вы-

ражает, например, Н. Гартман, утверждая, что «есть тесная бытийственная связь между тем, что находится на большом временном расстоянии друг от друга» [7, с. 175]. Поскольку связь возможна только между тем, что существует, постольку приходится признать существование фрагментов прошлой реальности и понять, что существование – это не то, что умещается только в настоящем моменте. Идеи, своим существованием обеспечивают эту связь.

Как ни парадоксально, но бытийственная связь прошлых и нынешних состояний реальности осуществляется так же и тем, что тотально не совпадает ни с бытием, ни с небытием, а именно – неизменным человеческим «Я», - ядром сознания личности. Относительно своего прошлого человек может сказать, что ««вот это видел я» или «вот это чувствовал я»» [5, с. 7], что было бы невозможно, если бы «я» изменялось. Убедительный аргумент, подтверждающий неизменность внутреннего ядра человеческой личности находим в статье Д. Н. Воропаева «Проблема «человека» и вопрос о «ничто» в онтологическом аспекте» [5]. Автор пишет, что «если всё текуче и изменяемо и ядра сознания нет, то человек постепенно должен измениться настолько, что самоотождествление с «собой в прошлом» в какой-то момент окажется невозможным даже с помощью памяти» [5, с. 7], однако самоотождествление остаётся на всю жизнь человека. Значит, «что-то обеспечивает целостность сознания и возможность отождествления себя и именно себя с тем, что уже когда-то случилось со мной» [5, с. 7].

Реальность, как то, что существует на самом деле, есть многомерное переплетение компонентов трёх сфер бытия: материальной природы, общества и духовного мира – мира идей, постигаемых сознанием. Категория «идеальное» в исследовании бытия прошлого употребляется не в смысле «наилучшее», а в онтологическом смысле, как форма бытия. Историческая реальность многомерна – это сложная ткань, образуемая переплетением и совместной работой духовных, материальных и социальных составляющих. Духовные компоненты исторической реальности существуют как форма и содержание текста.

В рамках стандартной концепции исторического познания принято считать что текст,

создаваемый историком, является более или менее точным изображением прошлой социальной реальности, которая была раньше, была на самом деле и которая существует как прошлое, отдельно от сознания историка (Б. Маккуллах, Л. Ранке) [1, с. 245]. Считается, что знание о прошлом и само прошлое – это не одно и то же. Текст, содержащий рассказ о прошлом, это образ исторической реальности, которая сама является образцом для создания этого образа – текста [11]. В рамках конструктивизма и лингвистического поворота наоборот, считается, что никакой, отдельно существующей исторической реальности, находящейся или находившейся за рамками, за пределами текста нет (Ролан Барт, Нельсон Гудмен, Майкл Оукшотт, Леон Голдстейн) [1, с. 235, 238, 245]. И в данном смысле сторонники конструктивизма утверждают, что историческая реальность существует только как текст, созданный историком. Поскольку прошлой социальной реальности больше нет, то она не может служить образцом для того, кто создаёт её образ, т.е. для историка. Он пишет не с натуры. Он не может сравнить своё творение, т.е. знание с оригиналом, поскольку оригинал онтически отсутствует. Историки конструируют прошлую реальность в своём уме по её следам и остаткам [4, с. 33]. Поэтому историческая реальность – это всего лишь конструкт нашего современного интеллекта, плод работы ума, не существующий вне сознания. Это своего рода современная модель, изображающая то, чего на самом деле нет. Исторический конструктивизм – это весьма сильная и плодотворная теория и методология, однако её крайности, специально указанные здесь создают неадекватную онтологию реальности и оценку средств исторического познания.

Ряд фактов и аргументов позволяет считать, что прошлая социальная реальность как объект исторического познания существовала вне и независимо от сознания историка, который в настоящий момент думает о ней. Во-первых, прошлое оставляет остатки, которые даны исследователю как внешние его сознанию вещи, идеи, учреждения и отношения, которые он не выдумывает силою своего воображения. Во-вторых, существуют причинно-следственные связи между явлениями и состо-

яниями реальности и каждое из них вызвано причиной, бывшей в прошлом. «Единичные события не происходят изолированно, но всегда принадлежат некоей совокупности событий и позволяют выделить себя только в абстрагировании» [7, с. 314]. Исходя из такого понимания можно считать, что событию, протекающему в данный момент принадлежат прошлые события как его предыдущие этапы и причины. Из этого следует, что прошлые события остаются в бытии, принадлежат бытию [3, с. 56 - 57]. Поэтому для сознания «погрузиться в бытие» [5, с. 6] означает «оказаться в привычном мире, где есть прошлое и будущее, где существует время» [5, с. 6]. В бытии есть прошлое и будущее, и они именно есть. В-третьих, то, чем занимается историк – это познание, а не создание объекта. И ещё ряд фактов и аргументов наводят на мысль, что ничто не пропадает зря, что прошлая социальная реальность не исчезает абсолютно и бесследно, а как-то присутствует в реальности и сейчас, остаётся в бытии [6, с. 360]. Она не существует целостно, как она была во всей своей полноте и уникальности, но фрагменты прошлого повсюду вокруг и внутри нас, они существуют в отношениях между людьми. Реальность настоящего впитывает в себя всю прошлую реальность и усваивает её. В результате, как верно замечает Сартр, «я являюсь своим прошлым» [15, с. 213] и «моя сущность есть то, чем я был» [15, с. 676]. Я есть то, что было со мной, я есть то, кем я стал, «я есть своё прошлое» [15, с. 211]. В настоящий момент я веду себя как человек, продолжающийся именно из такого прошлого, которое я имею.

Можно очень интересно говорить об исторической реальности только как о тексте или о знании, используя богатейший арсенал герменевтики, но нельзя забывать о том, что история – это не художественная литература. История как наука имеет дело именно с реальностью, как она была. В ходе онтологического исследования можно задать вопрос: «исторический текст – это ли сама по себе прошлая реальность»? Затем, ответив отрицательно и представив филологии и герменевтике заниматься текстами, перейти к выявлению онтологического статуса той самой прошлой реальности, которая существовала когда-то на самом деле

и которая выступает референтом исторического знания. Но и с пониманием исторической реальности как текста, созданного историком, связан целый ряд онтологических проблем.

Например, неясно, изменяется ли сама прошлая историческая реальность при изменении текста, вызванном появлением нового понимания прошлого в связи с развитием исторического знания [10, с. 408]. Неясно так же, является ли самотождественной историческая реальность как текст или нет, в связи с появлением новых смыслов при прочтении текста разными людьми и в разное время. Можно ли считать, что если текст не изменяется, то, читая его, я нахожусь в самой прошлой реальности, как она была? И если идеи и императивы, смыслы текста побуждают меня что-то делать, действовать, то это воздействует сама прошлая реальность на настоящее; то есть она никуда не исчезает, она вечно есть. Она такая же реальность, как и настоящее. Но чтение текста – это всегда диалог двух сознаний – автора и читателя. При этом всегда воздействует третий компонент этого диалога – сам текст, имеющий относительно самостоятельное существование. Читатель всегда привносит свои смыслы в исходный первоначальный авторский смысл. Герменевтика. Тогда получается, что историческая реальность как текст (будучи идеальной реальностью) одновременно изменяется и не изменяется, всегда та же и не та же. Либо она живёт в настоящем. Есть единая реальность прошлого, настоящего и будущего. Что происходит при очередном продуцировании древней мысли? Имеет ли место при этом актуальное существование прошлой реальности? Когда я читаю «Историю» Геродота или Библию или диалоги Платона – это снова живёт и действует прошлая реальность? Когда я понимаю и заново продумываю мысль древнего человека при разглядывании его изделия – артефакта и понимании его предназначения и значения – это движение той же самой мысли является ли жизнью прошлого в настоящем? [9, с. 167] Временна ли мысль или безвременна? Временна ли мысль или вечна? Как существуют идеи? Являются ли они компонентами исторической реальности? Являются ли идеи, мысли, формы и математические истины частью прошлой реальности, причём, если они неизменны

и сейчас точно такие же, как и прежде – может ли вечность существовать во временности этого изменчивого мира? При решении всего этого комплекса проблем стоит выделить две узловые посылки-гипотезы: неизменность и саможественность идей и их участие в социальной реальности. В рамках данной статьи проследим, как они влияют на понимание существования исторической реальности и определение её онтологического статуса.

Важно отметить, что тексты сами являются компонентами прошлой социальной реальности (как и настоящей). Представляется верным утверждение И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, что «любое изображение социальной реальности одновременно является элементом этой реальности» [14, с. 302]. Действительно, человек живёт в мире, в котором существуют дома и дороги, столы и стулья, планеты и звёзды, университеты, заводы и фабрики, другие люди и их семьи; в этом же самом мире существуют произведения писателей, художников и композиторов, научные знания, идеи и обыденные представления. Научные и художественные тексты, содержащие эти идеи, знания и представления – такая же часть объективной реальности, как и окружающие нас материальные вещи и общественные отношения, в которых мы пребываем. Идеи, содержащиеся в текстах, посвящённых обществу, конституируют социальную реальность. Влияя на понимание исторических явлений, они определяют человеческие отношения и руководят поступками людей. Будучи конституирующим фактором, они определяют структуру и функции социальных институтов. «Коллективные представления <...> формируют социальный мир, который становится (и является) реальностью для его обитателей» [14, с. 98].

Изображением социальной реальности является, по сути, содержание любого текста, посвящённого обществу. И то, что любое такое изображение есть элемент этой реальности, представляется абсолютно справедливым, особенно, когда приходит осознание того, что «само общество – это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они – общество» [8, с. 29]. Из этого следует, что «социальная реальность не суще-

ствует вне представлений о ней» [14, с. 74] и она «в основной своей части невещественна» [14, с. 72]. Здесь следует сразу сделать одно важное уточнение, чтобы избежать неверного понимания данного вывода. Социальная реальность существует внутри представлений о ней, но она существует не только как идеальная реальность в сознании людей. Нельзя считать, что социальная реальность существует внутри только представлений о ней. Рыба тоже не живёт вне воды, однако она не существует также вне планеты Земля, вне биосферы земли, вне специфических природных констант нашей галактики. То есть, социальная реальность – это не только мир идей, мыслей. Она невозможна без физического мира и без реальных людей, из плоти и крови. Но так как центральным звеном всех связей и отношений исторической реальности является человек, как место пересечения идеального и материального бытия, то человеческое бытие есть главное системообразующее и конституирующее начало исторической реальности. А «человеческая реальность – это бытие, которое с самого начала является проектом, то есть определяется своей целью» [15, с. 680]. Проекты и цели – это идеи, в соответствии с которыми формируются состояния социальной реальности. В определённом смысле, каждый человек есть идея самого себя.

Идеи не занимают места в пространстве, не имеют протяжённости, плотности, массы, объёма, геометрической формы, температуры, цвета, запаха и других материальных характеристик, они не воспринимаются органами чувств, но это не значит, что они не существуют в нашей реальности. Идеи через человека воздействуют на реальность, и значит, они существуют в действительности, а не каким-то кажущимся образом. Они участвуют в становлении различных состояний реальности. Идеи – это проекты, и в соответствии с ними выстраивается конфигурация, структура бесчисленных ситуаций и состояний мира материальных вещей, общественных отношений и самих идей – научных и философских теорий и т.д. Государственный аппарат выстраивает общество в соответствии с идеями, заложенными в конституции. Гончар сжимает руками бесформенную глину, имея в сознании идеальный образ кувшина – будущего состояния

этой самой глины и в соответствии с ним делает своё изделие, формирует этот фрагмент объективной реальности. Множество идей используется при изготовлении вещи – идея её предназначения, целесообразной формы, пропорций и меры взятых веществ, качества и количества, причины и следствия, идея блага и красоты. Все они в той или иной мере воплощаются в материальной вещи, в артефакте. Как можно говорить о независимости материального мира от идей и сознания, когда именно сознание, заставляет работать наши руки и ноги, комбинируя, порождая и изменяя состояния материального мира, объективной реальности в соответствии с существующими идеями? Мы живём в мире культуры, будучи окружены бесчисленными артефактами, мы создаём и уничтожаем вещи, используем их и при этом сомневаемся в реальном существовании идей. Идеи действительно существуют, с их участием изменяются состояния объективной реальности. Зависимость и независимость (например материи от сознания и идей) определяется не только способностью существовать автономно, без обязательного воздействия со стороны, но и способностью вступать во взаимодействие и изменяться благодаря ему. А именно это мы со всей очевидностью и наблюдаем в действительности, когда создаём и уничтожаем вещи и их состояния.

Я живу в мире, где существует произведение Льва Толстого «Война и мир», «История» Геродота, Библия, музыка Баха и учебники по математике. Они существуют реально, на самом деле, а не каким-то кажущимся образом. Мир именно такой, каков он есть потому, что они существуют, без них он был бы другим. Материальные носители этих произведений человеческого сознания есть такие же временные, непостоянные и изменчивые материальные вещи, как и всё остальное. Книги и картины ветшают от употребления, старятся, рвутся, краски выгорают, а бумага превращается в пыль. То есть текст – это всегда фрагмент настоящего. Но текст содержит в себе прошлое, ибо идеи, которые составляют его содержание, неизменны – идеи не изменяются при переиздании текста. Не зря народная мудрость говорит, что написанное пером не вырubiшь топором. Временят и изменяются

только материальные носители идей, а их содержание, то есть идеи остаются неизменными, они всегда пребывают в оттенках, устройстве и состояниях ойкумены. В определённом отношении идеи независимы от преходящих, изменчивых вещей, ибо «мыслить что-то можно и по его исчезновению» [2, с. 176], а проект вещи предшествует её появлению. «Война и мир» Льва Толстого или «История» Геродота не изменяются при переиздании. Они не зависят от качества бумаги, типа шрифта, тиража и других качеств и характеристик своих материальных носителей. В электронном или бумажном варианте они всё те же, что и раньше. Их существование не нуждается и в сознании людей, ибо они существуют даже в то время, когда никто их не читает и не думает о них. Глиняные таблички междуречья с шумерской клинописью несколько тысячелетий лежали в земле забытые всеми. Их авторы давно умерли, а будущие читатели ещё не родились и на протяжении долгих веков забвения авторские идеи существовали вне сознания человека. Когда археологи и лингвисты обнаружили их и смогли прочитать, они осознали уже имеющиеся древние идеи, а не придумали их произвольно, что свидетельствует о возможности существования идей вне сознания человека. Отсюда следует, существование идей – это не то же самое, что существование изменчивых эмоционально-психических состояний людей.

Следует согласиться с утверждением Платона, что «существуют определённые идеи» [12, с. 274], но для понимания исторической реальности надо понять как они существуют и верно ли мнение Парменида и Платона, что «идеи существуют сами по себе и лишь к самим себе относятся» [12, с. 277]. Может ли историческое знание быть реалистической репрезентацией прошлого мира, если идеально существующее знание и прошлая действительность, включавшая в себя материальные вещи и процессы столь различны? Франклин Анкерсмит верно замечает, что «одна часть расписанного холста, скорее, похожа на другую часть расписанного холста, чем на человека из плоти и крови, независимо от того, как был расписан каждый холст» [1, с. 248]. Действительно, два текста больше похожи друг на друга, чем текст и то, что он

репрезентирует. Это говорит в пользу утверждения Парменида, что идеи соотносятся только между собой и существуют независимо от материального мира. Здесь и сейчас, в рамках этой статьи не место решать «основной вопрос философии», но для нас важна ещё одна мысль, вытекающая из этого рассуждения. Если идеи неизменны, а тексты могут быть похожими и даже тождественными, то современный нам, но созданный в прошлом текст не просто репрезентирует, не просто изображает прошлую реальность, он в буквальном смысле есть её фрагмент и, осознавая его идеи, мы осознаём именно этот идеальный фрагмент прошлой реальности, а не его «отражение».

Это утверждение может быть верным, если идеи неизменны во времени и всегда самодоступны. Как узнать это, как удостовериться, что они таковы? Во-первых, необходимо различать саму идею и её понимание чьим-то сознанием. Так, любую идею можно либо понять, т.е. осознать адекватно (и получить высокий балл на экзамене), либо не понять (провалить экзамен) и не быть в состоянии воплотить её на практике. Во-вторых, если идея изменяется, то она перестаёт быть собой – из неё получается другая идея, ещё одна сущность, но первая при этом остаётся. В-третьих, возьмём для примера природу и существование математических идей, содержащихся в линейном уравнении. Решение линейного уравнения человеческим разумом занимает некоторое время. В процессе его решения тройка и четвёрка не становятся чем-либо другим, не изменяется так же идея равенства и т.д. Четвёрка не становится вдруг тройкой или птицей и не улетает из этого уравнения. Тройка и равенство не становятся неожиданно справедливостью или мужеством, белизной или кривизной, водой или землёй, кубом или плоскостью или ещё чем-либо. Четвёрка всегда остаётся четвёркой, а тройка тройкой. «Существуют <...> математические предметы, отличающиеся от чувственно воспринимаемых тем, что они вечны и неподвижны» [2, с. 169]. Если бы эти идеи изменялись во времени, то мы бы никогда не смогли решить уравнение и вообще додумать любую мысль до конца. Следует согласиться с Платоном, рассуждающем о мыслящем человеке, что «не допуская постоянно тождественной себе идеи

каждой из существующих вещей, он не найдёт, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения» [12, с. 278]. Итак, каждая идея постоянно тождественна сама себе. Если бы идеи изменялись, мы вообще не могли бы думать и делать выводы. Изменяться и развиваться может мысль об отношениях в комплексе идей, а не одиночные простые идеи. Изменяются представления людей об изменчивых вещах и бытии в целом, как изменяется моё представление о порядке в доме, или о размерах галактики. Изменяется не идея, а представление как психический акт, осознание того содержания, которое мы вкладываем в общие понятия. Например, я многократно и всегда по-разному могу представлять в сознании различные образы раскачивающихся на ветру деревьев: сосен, берёз и вязов, осознавая при этом единую идею дерева и понимать, что все они – деревья.

Идеи, содержащиеся в математическом уравнении неизменны не только в процессе его решения, т.е. в течение нескольких минут – они неизменны в веках. Идеи куба или шара в геометрических задачах всегда неизменны. Мы имеем учебники по математике и то, что в них записано, записано часто не вчера и даже не в этом столетии. Учебник может быть издан два года назад или сто лет назад. При этом, человек, постигший суть математических идей, существовавших долгое время вне его сознания, сможет решить эти уравнения, помыслив то же самое, что мыслили их создатели. Учебники по математике и их идеальное содержание так же были частью прошлой социальной реальности, так же участвовали в жизни прошлых поколений. Историк, изучающий, скажем, систему школьного образования столетней давности, использует школьный учебник как исторический первоисточник. По нему он делает выводы об уровне развития научного знания в те давние времена, о методах обучения и т.д. Когда историк читает текст учебника, вдумывается в условия задачи и решает её, он заново продумывает в настоящем прошлую мысль, осознавая те же самые идеи, которые существовали и кем-то осознавались в прошлом – его разум созерцает подлинные фрагменты прошлой социальной реальности.

Таким образом, прошлая социальная реальность фрагментарно существует в форме идей, знаний и представлений. Историческая реальность содержит неизменяемые, самоидентифицируемые духовные компоненты – идеи и формы, создающие единство прошлого, настоящего и будущего её состояний. Духовные компоненты исторической реальности существуют как форма и содержание текста. Идеи, составляющие содержание исторического текста – это неизменяемые и, стало быть, неразрушимые компоненты самой прошлой реальности, дошедшие до нас посредством своего носителя – текста. Сознание всегда есть сознание чего-то. Читая древние тексты,

мы погружаемся в прошлую реальность, созерцая идеи, заложенные в них авторами, тем самым, наблюдая духовную сторону прошлой реальности. Исторический текст, будучи компонентом прошлой социальной реальности, содержит в себе неизменяемые идеи и имеет статичную форму, созерцая которые человек осознаёт фрагменты самой прошлой реальности. Осознание идей и формы текста, продуцирование авторской мысли есть существование прошлого в настоящем, поскольку это происходит действительно и влияет на поступки людей, на понимание исторических процессов и общественных отношений.

14.02.2015

Список литературы:

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. М.: Канон+, 2009. 400 с.
2. Аристотель. Сочинения / Аристотель. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 544 с.
3. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. 174 с.
4. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. М.: Наука, 1986. – 256 с.
5. Воропаев, Д. Н. Проблема «человека» и вопрос о «ничто» в онтологическом аспекте / Д. Н. Воропаев // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: ГОУ ОГУ, июль 2014. - № 7. – С. 4 - 8.
6. Воропаев, Д. Н. Проблема «Ничто» в работе М. Хайдеггера «Что такое метафизика?» / Д. Н. Воропаев // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, февраль 2015. - № 1 (50). – С. 358 - 361.
7. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
8. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Книга I. / В. О. Ключевский. Минск: Харвест, 2007. - 592 с.
9. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. - М.: Наука, 1980. – 485 с.
10. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. СПб.: Русский остров, 2004. – 623 с.
11. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. М.: Канон+, 2007. – 480 с.
12. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе / Платон. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311 с.
13. Попов, Н. А. Сущность времени и относительности / Н. А. Попов. М.: Либроком, 2013. 320 с.
14. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 2003. – 632 с.
15. Сартр, Жан-Поль. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр. М.: АСТ, 2012. 925 с.

Сведения об авторе:

Щербаков Дмитрий Александрович, доцент кафедры философии, культурологии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат философских наук
460014, Оренбург, ул. Советская 19, тел.: (3532) 772452, e-mail: am720@ya.ru